

Глава 7. Контакт

Златовласый утверждал, что убедить меня — самый сложный этап их плана. Раз я согласился, значит, дело сделано наполовину.

Я поинтересовался, какова вероятность провала второй половины. Он с усмешкой спросил, хочу я услышать правду или ложь. Не желая слушать ни того, ни другого, я выставил его за дверь, чтобы отдохнуть самому.

Хотя я и дал согласие, сомнения не покидали меня. Я был уверен, что рассказ о таинственном дыхании — лишь приманка, чтобы заманить меня в ловушку. Истинные цели этих людей, то, чего они на самом деле добивались, казались мне куда более сложными, чем я мог себе представить.

Делать всё равно было нечего, так что я лежал на кровати и размышлял. Слова Чжоу Цзымо, казавшиеся на первый взгляд убедительными, при ближайшем рассмотрении рассыпались в прах. Говоря прямо, этот человек был неискренен, а его намерения — сомнительны. Он просто втягивал невинного человека в свои тёмные дела.

Погружённый в эти мысли, я начал засыпать. В последнее время так проходил каждый мой день. Жизнь в этом медпункте была слишком размеренной: проснулся — поел, поел — уснул. Стоило лечь и почувствовать сонливость, как я тут же проваливался в сон.

На этот раз я проспал часов пять или шесть. Проснулся я без всякой причины, когда на часах было около часа или двух ночи.

Не придав этому значения, я решил сходить в туалет. Раньше дверь моей палаты часто запирали, поэтому, как только я смог встать, по ночам я пользовался судном, а утром сам выносил его в уборную в конце коридора. О том, что было, когда я не мог встать, лучше не вспоминать.

Я спустил ноги с кровати, но не нащупал судна. Кажется, я смутно припоминал, что относил его мыть. Впрочем, сейчас дверь запирали редко, так что, возможно, я вынес его утром и из-за разговора с этим парнем, который испортил мне настроение, просто забыл забрать.

Я подошёл к двери, повернул ручку. Не заперто. Я толкнул её и вышел.

Я уже привык к этому месту и, открывая проход, даже не осознал, что сегодняшний вечер отличается от других. Только когда я машинально повернулся, чтобы закрыть за собой дверь, до меня дошло: я никогда раньше не выходил из палаты ночью.

Свет в коридоре медпункта давно погасили, рубильник у входа был опущен.

Весь проход утонул в непроглядной мгле. Лишь тусклый лунный свет пробивался через главный вход, но его сияние обрывалось у самого порога, словно не решаясь сделать и шага дальше.

Путь был всего двадцать метров в длину. Обычно, стоя у своей двери, я мог видеть низкие перегородки уборной в его конце. Но сейчас всё выглядело совсем иначе, чем днём. Та уютная, хоть и старая, атмосфера исчезла без следа. Пространство неуловимо изменилось. Стоя здесь, я не видел ничего.

Мрак, абсолютный, беззвучный мрак. Я слышал лишь стук собственного сердца. Даже привычного для степных ночей завывания ветра не было.

Гулкий стук сердца стал сигналом. Вязкая чернота откликнулась, она начала меняться, приближаться. У меня разболелась голова. Потирая виски, я, кажется, увидел, как из темноты высунулось что-то чёрное и тут же исчезло.

Я дёрнул ручку за спиной. Дверь не открылась.

«Плохо дело»

Я чувствовал, что в этой тьме что-то есть, и не мог отвести взгляда от пола и стен. Не знаю, может, я смотрел слишком долго, но моё дыхание участилось. Лунный свет, который был раньше, постепенно исчез, его мало-помалу съедали странные тени.

Коридор погрузился в абсолютную тьму. Я вжался в косяк, холодный пот пропитал воротник.

Казалось, будто этот коридор вырезали из альбома и наклеили на другой, абсолютно чёрный лист. Некоторые тени даже выпускали щупальца, выходя за пределы стен. Прямые углы и линии расплывались, изгибались, искажались волнообразными движениями.

А в его конце... на расстоянии двадцати метров я ничего не видел и не слышал.

Этот коридор, без моего ведома, удлинился. Он соединился с каким-то другим местом. Возможно, у этого места был предел, а может, и нет. Но что-то там было. Мгла не скрывала это нечто, она лишь помогала ему прятать свою истинную суть.

У меня возникло отчётливое ощущение, что они живые. Я чувствовал искажённую, извращённую радость, похожую на ту, что описывают в книгах: невидимый призрак, наконец, обрёл своего зрителя. Но я был почти уверен, что это не призрак. Потому что он был не один.

Их было много. Это была всепоглощающая волна восторга и счастья. Оно хотело, чтобы его увидели, чтобы человеческие глаза запечатлели его.

Вернее, «оно» ждало. Всё это время ждало, когда его увидят.

Внезапно мне в голову пришла мысль: в конце этой тьмы будет дверь. Или лестница в многоквартирном доме, или тёмный угол в офисе с указателем.

Или, если ты за рулём, это будет дорога без конца, длинный тоннель, высокая, густая трава.

И кто-то пойдёт туда. По пути не случится ничего страшного, это будет обычный отрезок. Ты пойдёшь дальше, и дальше... Ты, может, даже не поймёшь, в чём проблема, и, конечно, не получишь ответа.

Ты просто исчезнешь из этого мира.

Так было с Принцессой, так, возможно, будет и со мной, и с другими. Прежде чем ступить на этот путь, никто не думает, что он ведёт в один конец. В стране за год пропадает несколько сотен тысяч человек. Если не считать несчастные случаи и стихийные бедствия, остаётся часть людей с благополучной жизнью и успешной карьерой, которые в один прекрасный вечер видят переулочек, заходят в него и больше не возвращаются.

Таков исход «контакта».

Голова внезапно раскололась от боли, всё вокруг завертелось, переворачиваясь вверх дном. Я понял, что больше нельзя смотреть.

Если я продолжу, меня ждёт лишь один финал. Я непременно войду в эту мглу и исчезну, и никто меня не найдёт.

Я развернулся и принялся отчаянно биться в дверь всем телом. Она не поддавалась. Звук ударов отдавался в ушах, причиняя боль. Раз, два, три... Я вложил всю свою силу, и только тогда ручка поддавалась. Последним рывком я распахнул дверь.

Я буквально вкатился внутрь. Замок был сломан. Я сел на пол и изо всех сил прижался спиной к преграде.

В коридоре по-прежнему было тихо, но то чувство не исчезло. Оно всё ещё было там, в конце, затаившись, с восторгом ожидая, когда его снова увидит человек.

Меня тошнило. При каждом вдохе лёгкие пронзала острая боль. Ладони были покрыты холодным потом. Лёгкий сквозняк из-под двери заставил меня дрожать.

Я долго сидел, прислонившись к дверному полотну, пока сердцебиение немного не успокоилось. Это позволило мне хоть немного собраться с мыслями.

Первой моей реакцией было то, что у меня снова приступ. Как и в тот раз в степи. Я думал, что что-то вижу, но на самом деле всё это было ложью, я просто сам себя пугал.

Мне оставалось только так думать. Дай я волю воображению, и я бы умер от страха прямо здесь. После того случая в степи я долго морально готовился. Я твердил себе: если это галлюцинация, ты не имеешь права проиграть ей во второй раз.

Я подсознательно уже смирился. Этому не будет конца. Всё начинается незаметно, а финал видят лишь безумцы и те, кто исчез навсегда.

Возможно, легенда о Знамени Принцессы была лишь прикрытием. История со странным завершением, скрывающая то, что у таких историй конца не бывает вовсе.

С одной стороны, я призывал себя к спокойствию, с другой — не мог помешать страху овладеть моим разумом. Глаза непроизвольно метались по комнате. Отсутствие чувства безопасности лишь усиливало ужас.

Я не смел закрыть глаза, но и смотреть по сторонам было страшно. К счастью, в комнате не было крупной мебели, а значит, и глубоких теней. Иначе в первый же день, как я смог встать, я бы всё разломал.

Я три или четыре раза осмотрел комнату, убеждаясь, что в ней не появилось ничего лишнего. Только тогда я немного успокоился.

Но тут я заметил, что не задрнул шторы.

Словно невидимая рука схватила меня за подбородок, заставляя посмотреть в окно. Моя голова с трудом, медленно, поворачивалась к нему.

Неподалёку стояло несколько юрт. В это время года там жили пастухи. Желтоватый свет пробивался сквозь ткань, тускло освещая стекло.

В темноте, рядом с большим поселением, стояла маленькая юрта, прижавшись к самой большой из них.

Я не сводил с неё глаз, и моё дыхание становилось всё тяжелее и чаще.

Эта постройка была неуместна, она не должна была стоять так близко. Я часто смотрел в окно по утрам, но никогда её не видел. С наступлением ночи пейзаж за окном, как и коридор, полностью преобразился.

Форма юрты была очень странной. Она была длиннее обычной, а её свод — более выгнутым,

словно её сжали.

Я смотрел на неё как замороженный, пытаюсь понять, что это. Вспоминая сейчас, я понимаю, что это состояние было ненормальным. Словно что-то, как и в коридоре, хотело, чтобы я на него смотрел.

Я не отрывал взгляда. Через несколько минут юрта шевельнулась.

Холодный пот мгновенно выступил на лбу, в ушах зазвенело.

Это было похоже на человека, сидящего на корточках спиной ко мне.

Судя по высоте плеч, его рост составлял не менее пяти метров.

Моя истерзанная психика не выдержала, и я потерял сознание.

***

Очнулся я, когда уже стало светло. Я лежал на своей кровати. Рядом сидел Златовласый и от нечего делать играл в телефоне.

Всё ещё в шоке, я огляделся. В комнате всё было так же, как и перед тем, как я уснул. Я посмотрел в окно. Заходящее солнце мягко освещало подоконник. На том месте, где стояли юрты, не было ничего. И уж тем более никакого человека.

— Проснулся, — с интересом посмотрел на меня Чжоу Цзымо. — Что снилось?

Я посмотрел на него, не уверенный, настоящий ли он. Говорят, если заговоришь с нечистью, она будет являться тебе постоянно. Я не хотел постоянно видеть Златовласого, поэтому промолчал.

Наверное, у меня было смешное выражение лица, потому что парень рассмеялся.

— Господин Линь, не будьте таким мнительным, — он подошёл ближе. Я настороженно отпрянул. Он схватил мою руку и приложил к своему лицу. — Попробуй, ущипни.

Я тут же отдернул руку. Что за фамильярности? Мы едва знакомы.

Но его ладонь была тёплой. Значит, настоящий.

— Мне приснился сон, — сказал я. — Какой сегодня день?

— Утром я пришёл к тебе, — ответил собеседник. — В обед ты сказал, что хочешь спать... Я вышел прогуляться, а когда вернулся, ты уже видел сны.

— Я говорил во сне?

Хотя я и спросил, но уже знал ответ. Вряд ли я мог что-то сказать.

— Очень много.

Златовласый улыбнулся.

Внезапно всё вокруг померкло. Чжоу исчез. Всё исчезло. Окружающий мир, словно под порывом ветра, рассыпался на мириады цветных частиц.

В ушах снова зазвучал тот самый, доводящий до отчаяния звук.

Дыхание.

Ровное, протяжное, спокойное...

Затем оно стало учащённым, быстрым. Человек за моей спиной словно от кого-то убегал. Воздух, вырывающийся из его лёгких, становился всё более хриплым, а дыхание — тяжёлым.

Его сердцебиение отдавалось в этой темноте оглушительным эхом. Словно барабанная дробь над моей головой. Бум, бум, бум. Каждый удар отдавался в ушах.

Со всех сторон доносились неясные звуки. Я сидел словно в центре хаотичной аудиосистемы, и все звуки разом нахлынули на меня, захватывая мои чувства.

Тот звук то удалялся, то приближался. Я смутно расслышал, что это, кажется, говорит женщина.

Она говорила много, очень много. В её голосе слышались и ужас, и усталость, и радость, и счастье. Она говорила без умолку, то повышая, то понижая тон, и её слова проникали в мой разум.

Её голос гремел. Я сидел словно в странном кинотеатре. Стены воображаемого кинозала были телесного цвета, кресла — тоже. Поверхности казались липкими и влажными, а экран был живым: он двигался и извивался, подобно желудку чудовища в вечном сокращении.

В реальности такая обстановка вызвала бы отвращение, но, как ни странно, я не чувствовал ни страха, ни брезгливости, как раньше.

Страхи человека во многом сформированы обществом. Если дать новорождённому таракана, он, скорее всего, схватит его, не выказывая того же ужаса, что и мы. Но есть и то, что заложено в нашей ДНК. Мы, возможно, уже забыли, почему боимся или ненавидим что-то, например, скрежет ногтей по доске, но мы не можем от этого избавиться.

Я всё ещё слышал то отчётливое дыхание, но теперь я понимал, что страх перед неизвестным, навязанный мне окружением, исчез. Остался лишь первобытный ужас, унаследованный от животных предков.

Если бы я был лягушкой или обезьяной, я бы боялся природы и хищников. Они бы угрожали моей жизни. Но дыхание — нет. Я его не боялся.

Голос женщины становился всё тише. Я чувствовал, что у неё есть сильное желание, которое, вероятно, нелегко исполнить. В её тоне слышались надежда и мольба. Она повторяла несколько слов. Я, кажется, разобрал, что это китайский, но больше ничего не понял.

«Ты должен знать эту фразу»

— что-то внутри меня подсказало это. Я напряг слух, пытаюсь запомнить хотя бы её интонацию, если не слова.

Она словно о чём-то предупреждала. Она повторила это раз, другой, третий. Она повторяла и повторяла. Это были знакомые звуки, я почти разобрал их, но каждый раз смысл ускользал.

«Я запомнил, — мысленно твердил я себе. — Я должен запомнить»

Я рывком вынырнул из воды и сел.

Я был весь мокрый. Кто-то схватил меня за руку, помогая нащупать дно. Вода была отвратительной на вкус, солёной до горечи. Я отчаянно тёр лицо, отплёвываясь, пока солёный привкус немного не ослаб.

Я ещё не мог встать, но жидкость была настолько плотной, что поддерживала меня, позволяя сидеть на корточках без особого труда.

— Очнулся, — я увидел в профиль профессора Чэня. Он сидел перед тремя или четырьмя странными мониторами, похожими на те, что показывают в сериалах про киберспорт. — Продолжительность фазы быстрого сна — тринадцать минут двадцать восемь секунд. Записать.

Я услышал скрип пера. Я был в полузабытьи. Чья-то рука вытащила меня из бассейна, усадила на одеяло и начала вытирать мне волосы полотенцем.

— Что ты видел во сне?

Профессор повернулся ко мне. Его взгляд был холодным, изучающим. Память медленно возвращалась. Я понял, что стал подопытным кроликом.

После утреннего визита Златовласого я поставил условие: я помогу, если они объяснят мне происхождение этого дыхания.

На следующий день они привели меня в свою юрту. Там было много странного оборудования и большой резервуар, наполненный очень солёной водой. Это, по их словам, было нужно для создания ощущения невесомости и связи.

Я видел подобное в сериалах и не был уверен, что это сработает. Но, надев датчики и погрузившись в воду, я быстро уснул и увидел этот невероятно реалистичный сон.

Сны — это обычно бессвязный набор обрывков реальности. Но перед тем, как я вошёл в воду, Профессор предупредил меня, что я увижу и иллюзии, и правду. Многие детали будут очень важны, и он надеется, что я смогу их запомнить. Это поможет им в их деле.

Так я и стал участником этого эксперимента. И, к моему удивлению, я действительно кое-что запомнил.

— Одну... одну фразу.

— Какую?

— Не расслышал.

Профессор не выглядел разочарованным. Видимо, такое случалось не в первый раз. Мне тёрли голову, и я почему-то почувствовал себя виноватым.

— Какие-нибудь образы помнишь?

Продолжал спрашивать Старина Чэнь. Рядом с ним стояли ещё двое или трое, один из них, молодой парень, постоянно что-то записывал.

Я вкратце пересказал ему то, что помнил. Он слушал внимательно, не выказывая никаких эмоций. Я не знал, был ли эксперимент успешным или провальным. Я чувствовал только, что

мне очень холодно, и сильнее закутался в одеяло.

— Тебе нужно будет принять душ.

Только сейчас я понял, что волосы мне вытирал Чжоу Цзымо. Он укрыл меня одеялом и легонько сжал моё плечо.

— Иногда не нужно знать ответ, — сказал он. — Достаточно просто подойти к нему поближе, и уже становится не по себе, верно?

<http://bllate.org/book/13479/1663763>